

RU

Российская миссия при персидском дворе во время похода шаха на Герат в 1837-1838 годах

Марюткин В. В.

Аннотация. Цель исследования: проследить и уточнить роль русской дипломатической миссии в Персии, возглавляемой с 1832 по 1838 год графом И. О. Симоничем, вообще и его личную роль в частности в гератском кризисе 1837-1838 года, включая дипломатическое турне Я. В. Виткевича по Афганистану и его переговоры с афганскими правителями в попытке урегулировать их взаимоотношения с персидским шахом в период осады Герата. Научная новизна исследования состоит в несколько новом - более взвешенном взгляде на место и роль русской миссии при каджарском дворе, включая и ее непосредственное пребывание под стенами осажденного Герата и конкретное содействие шаху в его осаде, с учетом вновь вводимых в научный оборот источников. В результате опровергнута сложившаяся в историографии, прежде всего британской, точка зрения об активном подстрекательстве миссией И. О. Симонича шаха к операции против гератского правителя Камран-Мирзы, уточнена ее позиция по этому вопросу как взвешенная и осторожная, отрицающая необходимость немедленной военной операции персидского шаха против Герата в 1837 году.

EN

Russian Mission at the Persian Court during the Shah's Campaign against Herat in 1837-1838

Maryutkin V. V.

Abstract. The study aims to trace and clarify the role of the Russian diplomatic mission in Persia, headed from 1832 to 1838 by Count I. O. Simonich, in general and his personal role in particular in the 1837-1838 Herat crisis, including Ya. V. Vitkevich's diplomatic tour of Afghanistan and his negotiations with the Afghan rulers in an attempt to regulate their relationship with the Persian Shah during the Siege of Herat. Scientific novelty of the study lies in adopting a somewhat new, i.e. more balanced view of the place and role of the Russian mission at the Qajar court, including its direct presence under the walls of besieged Herat and actual assistance to the Shah in his siege, taking into account sources newly introduced into scientific use. As a result, the researcher has refuted the point of view prevailing in historiography, primarily British, about I. O. Simonich's mission actively inciting the Shah to operate against the Herat ruler Kamran-Mirza; has clarified its position regarding this issue as balanced and cautious, denying the need for the Persian Shah to conduct an immediate military operation against Herat in 1837.

Введение

К концу 1820-х годов после русско-персидской войны, закончившейся победой русского оружия, позиции России на Среднем Востоке заметно усиливаются. Это не могло не беспокоить соперницу России в Большой игре – Британию. Русско-британское соперничество усиливается, и главной ареной его в следующем десятилетии становятся Персия и Афганистан, в особенности Герат, феодальное владение, тогда в состав владений афганских правителей не входящее и явившееся яблоком раздора между двумя великими державами. Усиление их соперничества стало следствием именно усиления Российской империи в регионе (Васильев Д., Васильев С., 2017, с. 146) и потому инициатива эскалации противостояния, конечно же, исходила от Англии. На этом фоне после заключения Туркманчайского мира в 1828 году российско-персидские отношения теплеют. Начинается даже немислимое ранее военное сотрудничество двух стран, еще недавно воевавших друг с другом (Ларин, 2009, с. 36).

Российская дипломатическая миссия при каджарском дворе, возглавляемая Иваном Осиповичем Симоничем с 1832 по 1838 год, представляет собой яркое явление в отечественной дипломатической практике. Причин тому несколько: и неординарная личность самого полномочного министра, и многие столь же яркие

имена, в разные годы присоединявшиеся к миссии, – И. Ф. Бларамберг, Я. В. Виткевич, и, конечно же, гератский кризис 1837–1838 годов.

В отечественной историографии данная проблема исследована недостаточно (Васильев Д., Васильев С., 2017, с. 146). Историки, как российские и советские, так и иностранные, прежде всего, конечно, британские, до сих пор спорят, чья же сторона выиграла и в чем, собственно, выиграла в гератском кризисе. Нет среди исследователей и единого мнения о деятельности самой российской миссии, ее роли в его зарождении и осаде Герата персидским шахом Моххамедом (Ниязатов, 2014, с. 313–315; Халфин, 1959, с. 22–30; Хопкирк, 2004, с. 231). Попробуем по-новому взглянуть на эти вопросы.

Основная часть

7 июля 1832 года Иван Симонич, получив инструкции главы российского МИД графа К. В. Нессельроде и «Высочайшую грамоту» об аккредитации в Персии, отправился в путь, а уже 18 октября того же года «российско-императорский полномочный министр в Персии г-н полковник и кавалер граф Симонич» приступил к своим непосредственным обязанностям, сменив временно управлявшего делами миссии и генерального консульства надворного советника и кавалера Н. П. Безака. Занятый им пост считался одним из важнейших с точки зрения внешней политики и дипломатии России в то время (Симонич, 1967, с. 10).

Отношения между Россией и Ираном во второй трети XIX столетия были весьма неоднозначными и часто напряженными. В 1829 году толпа фанатиков разгромила русское посольство в Тегеране и перерезала всех его сотрудников за исключением лишь одного, который был в тот момент в отлучке. Среди убитых – российский посол и литератор А. С. Грибоедов (А. С. Грибоедов, его жизнь и гибель..., 1929, с. 95).

Усилившиеся после заключения Туркманчайского мира в 1828 году позиции России в регионе, естественно, вызвали опасение и, как следствие – противодействие Англии. Последняя, оказывая лишь символическое содействие Персии, пыталась внушить ее правящим кругам мысль о том, что союзнические отношения Тегерана с Лондоном жизненно важны для каджарского двора, а вот Россия, напротив, представляет Персии едва ли не смертельную угрозу (Симонич, 1967, с. 10).

Неудивительно, что в первой половине 30-х годов между российской и британской миссиями в Тегеране развернулось масштабное противостояние. Обе противоборствующие стороны боролись за расположение шаха для того, чтобы, пользуясь им, склонить персидские власти против друг друга. Вот на таком драматическом фоне и началась миссия И. О. Симонича.

Каковы же были задачи, поставленные императором Николаем I новому полномочному министру? Их однозначно можно трактовать так: упрочение позиций России в Персии и, конечно же, нейтрализация антирусских происков Англии (Симонич, 1967, с. 11). Ничего нового в этом не было, поскольку подобная политика была свойственна и предыдущему царствованию. И в том, что миссия Симонича столь ярко вошла в историю, дело во многом в личности самого полномочного министра. Иван Осипович Симонич был выходцем с Балкан – из Далмации. После присоединения Далмации к Франции по Шенбрунскому договору 1809 года вступил в ряды наполеоновских войск и в 1812 году в чине капитана корсиканского батальона участвовал в походе на Россию. В сражении под Красным был взят в плен и отправлен на жительство в Казань.

Парижский мирный договор дал возможность вернуться на родину, но в это время Далмация вошла в состав Австрии, и поэтому, не желая служить австрийскому двору, он попросился на службу российскому императору. Так Иван Симонич оказался на русской службе, и огромный период его служебной карьеры связан с Кавказом и Закавказьем. В 1830 году Иван Симонич был произведен в генерал-майоры (ГАРФ, ф. 956 «Графы Симоничи», д. 2, л. 1).

Был он, судя по многочисленным воспоминаниям современников, фигурой весьма колоритной, даже местами несколько эксцентричной. Немаловажен и тот факт, что по воспоминаниям впоследствии его преемника на посту российского посланника в Персии А. О. Дюгамеля: «Симонич был ярый бонапартист, такой ярый, каких я (А. О. Дюгамель. – В. М.) редко встречал...» (Цит. по: Симонич, 1967, с. 12–13). Разумеется, с учетом этого в Персии от него трудно было ждать толерантного отношения к британцам, и это кардинально повлияло на дальнейший ход его миссии.

Кульминационным ее моментом стало присутствие российской миссии в безуспешной осаде Герата персидским шахом с июля 1837 по август 1838 года. Герат, сегодня находящийся на территории Афганистана и ставший теперь в одночасье снова часто упоминаемым в средствах массовой информации в связи с захватом его талибами в августе 2021 года, некогда был полунезависимым феодальным ханством. Афганистан тогда, как, впрочем, и почти всегда в своей истории, раздираемый раздробленностью и враждой его многочисленных правителей, в их лице, прежде всего, правителя Кабула, пытался давить на этот богатый и довольно большой по тогдашним восточным меркам город, пытаясь поставить его в вассальное положение. Тогдашний Правитель Герата Камран-Мирза надеялся, что союз с Персией даст ему гарантию сохранения его положения и защитит от афганской агрессии, но ему внушали серьезные опасения действия наследного принца Персии Аббас-Мирзы, что привело к вооруженному конфликту между ними. После смерти Аббас-Мирзы в 1833 году его сын, будущий шах Мохаммед, снял осаду Герата. Согласно мирному договору, Герат не только был обязан выплачивать дань персидскому шаху, но и обеспечивать защиту персидских территорий от агрессии со стороны Афганистана (Бугаева, 2007, с. 2).

Все эти противоречия использовали великие державы в ходе Большой игры. В 1836 году Великобритания поддержала сепаратизм Герата, и, по словам многих зарубежных, особенно английских, историков, российская дипломатия тут же стала склонять шаха к военной операции против него, дабы «покарать ослушника» шахской воли. И русская миссия в Тегеране сыграла в этом едва ли не ключевую роль (Хопкирк, 2004, с. 231). Но действительно ли речь шла именно о прямом подстрекательстве? Осведомленный в делах миссии и ее участник в период осады Герата И. Ф. Бларамберг в своих мемуарах пишет иное: «...в особенности граф Симонич убеждал шаха через его первого министра Мирзу Хаджи-Агасси привести сначала в порядок расстроены финансы государства, улучшить управление, а затем уже думать о возвращении своей прежней собственности» (Бларамберг, 1978, с. 106). Думается, это серьезная оговорка относительно планов и действий русской миссии и лично Симонича: непосредственно в 1837 году он шаха идти на Герат отговаривал. И Россия, и Англия Герату придавали большое значение. Герат геополитически расположен так, что прямое обладание или, по меньшей мере, контроль над ним давал серьезные преимущества и в торговле на Среднем Востоке, который вели обе державы, и в плане безопасности.

Итак, английская миссия всячески предостерегала персидского правителя от похода на Герат, русская же – как мы уже сказали, заняла скорее двойственную позицию: вроде бы его к тому и подталкивала, в то же время не советовала шаху принимать скоропалительные решения и непосредственно именно тогда не склоняла его к немедленной операции против Камран-Мирзы. Все решила взбалмошность шаха и его услужливого окружения, типичная для восточных деспотий. Он вопреки уверениям обеих миссий, принимает решение осадить Герат.

В июле 1837 года шах Мохаммед выступил в поход против Герата с армией в 25 тысяч человек пехоты, 9 тысяч иррегулярной кавалерии и 2 тысячи артиллеристов с 60 пушками. Армия находилась под предводительством нескольких ханов, не имевших понятия о военном искусстве. Сам шах также не имел военных дарований и был под влиянием своего первого министра Хаджи-Мирзы-Агасы. Последний в военном деле был совершеннейшим профаном, однако же вел себя как опытный, едва ли не прирожденный, полководец (Даль, 1898, с. 195). И. Ф. Бларамберг также пишет о постоянном его бахвальстве своими военными дарованиями и будущими успехами (так и не состоявшимися), при этом, надо отметить, автор подчеркивает его ум и хитрость как политика (Бларамберг, 1978, с. 114). Нетрудно догадаться, что ввиду всех этих обстоятельств, несмотря на чудовищное превосходство в силах над защитниками Герата, операция была обречена на неудачу.

26 октября 1837 года персидская армия прибыла под стены подконтрольной гератскому правителю крепости Гуриан и, овладев ею 2 ноября, двинулась дальше и 11-го ноября появилась в окрестностях Герата. В городе в это время находилось около 60 тыс. жителей. Шах приказал блокировать двое ворот, а три остальных оставались свободными более 3 месяцев. Это дало возможность защитникам города ввезти в город припасы и увеличить гарнизон до 3 тыс. человек (Бларамберг, 1978, с. 115). Командовал гарнизоном в Герате Яр-Магометхан – визирь владельца города Камрана-Мирзы.

Российская миссия во главе с полномочным министром И.О. Симоничем после выступления в поход шаха также стала собираться под стены Герата. Надо отметить, что в этот момент в составе миссии находился служивший до того в Оренбурге и один из знаменитейших участников Большой игры Я. В. Виткевич. Он становится проводником миротворческой миссии России на Востоке. По мнению Д. В. и С. Д. Васильевых, его миссия явно была поддержана персидским шахом (Васильев Д., Васильев С., 2017, с. 147). Ян Виткевич отправляется в дипломатическое турне по афганским владениям, посетив Кандагар и его владельца Кохендиль-хана и затем прибыв в Кабул. В Кабуле Виткевич выполняет важную миссию – пытается сформировать трехстороннее соглашение между Кандагаром, Кабулом и Персией, которая явно хотела мира с афганскими владельцами. После демарша в афганской столице А. Бёрнса, знаменитого путешественника и агента Ост-Индской кампании, фактически дезавуировавшего договоренности между кампанией и Дост-Муххамад-ханом, правителем Кабула, последний, разочарованный в англичанах, начинает после долгих колебаний склоняться к союзу с Россией и заключению трехстороннего соглашения, резко стабилизировавшего бы геополитическую обстановку в регионе (Васильев Д., Васильев С., 2017, с. 147). Эта дипломатическая миссия, на наш взгляд, явно демонстрирует желание России не вызывать эскалацию конфликта в запутанном клубке противоречий на Среднем Востоке, а стабилизировать ситуацию там.

Британия же тайно готовила в тот момент свое Лахорское соглашение, фактически означавшее подготовку к свержению Дост-Муххамад-хана и замену его на кабульском престоле беглым скрывавшемся у англичан его братом Шуджой уль-Мульком и передел геополитического пространства по-своему из-за опасения мифической угрозы российской агрессии против Британской Индии. Такие события разворачивались на фоне затягивавшейся осады Герата. Англия в этой обстановке выступила против ее продолжения. Единственным способом сохранить позиции России на Среднем Востоке стало скорейшее взятие Герата и тем самым хоть какое-то разрешение гератского кризиса, перед фактом которого можно было поставить Англию.

9 (21 по новому стилю) марта 1838 года миссия во главе с И. Ф. Симоничем отправилась из Тегерана под Герат (Бларамберг, 1978, с. 109). Симонич, по словам Питера Хопкирка, прибыв в лагерь шаха под Герат, вел там себя так, как будто бы он не посол, а советник шаха, едва ли не его наставник (Хопкирк, 2004, с. 231). Официально целью поездки русской миссии под Герат стала попытка возвращения русских дезертиров в Персии по прямому распоряжению российского государя Николая I, из которых там был сформирован целый батальон, причем, надо сказать, ставший одной из самых дееспособных частей персидской армии (Бларамберг, 1978, с. 107). Он еще покажет себя под Гератом. На службе у шаха состоял даже бывший российский генерал-лейтенант Боровский, точно так же покинувший в свое время российскую императорскую армию (Бларамберг, 1978, с. 132-133).

Осада тем временем велась из рук вон плохо. Симонич, прекрасно видевший это, убедил персидского шаха принять помощь в качестве военного советника от И. Ф. Бларамберга. Несмотря на грамотные советы Бларамберга, кое-что изменившие в тактике осаждавших в лучшую сторону, последующий штурм Герата, так красочно описываемый в его воспоминаниях, показал чудовищную неорганизованность и несогласованность в действиях персидских войск и в конечном итоге их полнейшую небоеспособность (Бларамберг, 1978, с. 116-117).

Еще до этого штурма под Герат прибыла и британская миссия. Глава британской миссии Джон Макнил убеждал шаха снять осаду, так как британцам было выгодно сохранить независимость гератского правителя Камран-Мирзы. При всем этом в осажденном Герате, чьей обороной руководил Яр-Магомет-хан, помощь ему оказывал известный участник Большой игры Эддред Поттинджер, который, надо сказать, весьма умело выступал в качестве военного советника командующего гератским гарнизоном (Хопкирк, 2004, с. 225). Именно он и стал главным советником визиря Камран-Мирзы Яр-Магомет-шаха и стремился, насколько это возможно, грамотно организовать оборону города. Надо отметить, ему это достаточно удалось. Многие британские историки, например сэр Джон Кайе, видный военный историк викторианской эпохи, вообще считали, что Герат удалось отстоять перед персидским шахом исключительно благодаря ему (Хопкирк, 2004, с. 224-233; Кауе, 1851, с. 202-288). В лагере осаждающих действовал как минимум один британский агент, снабжавший информацией силы в осажденном Герате и, судя по всему, при этом координировавший свою деятельность с миссией Д. Макнила, официально расположившейся в персидском лагере при полевой ставке шаха (Бларамберг, 1978, с. 130).

Однако автору этих строк удалось в российских архивных фондах ознакомиться с донесениями и российского агента на имя графа И. О. Симонича, в котором он докладывает о ситуации на стороне осажденных. Информации о нем крайне мало, во всяком случае, пока, однако, очевидно, он был достаточно эффективен. Впрочем, тема закулисного противостояния русских и британцев – настоящая битва теней, по терминологии российских авторов того времени, сквозит и в переписке внутри российской миссии по поводу повышения эффективности осады персами Герата (РГВИА, ф. 289, оп. 1, д. 8, л. 1 – 1 об.).

Вся эта игра разведок, однако, не меняла положения вещей: осаде было не видно ни конца, ни края, и осажденные, с силами лишь около 3 тысяч человек, не были в состоянии снять персидскую осаду и отогнать от города персидскую армию, в разы превосходящую их при всей своей малой боеспособности (впрочем, думается, силы гератского правителя мало в этом плане от нее отличались) (Бларамберг, 1978, с. 129-132).

Всю зиму персидская армия простояла под его стенами. Наконец, 14 февраля шах приказал блокировать остальные трое ворот и разрушить стены пушками огромного калибра, для изготовления которых была устроена особая литейная. Первую построенную 42-фунтовую пушку разорвало при втором выстреле, а вторую – при четвертом. Тогда Хаджи-Мирза-Агасы приказал изготовить восемь 72-фунтовых пушек, но меди хватило только для двух.

Помощь И. Ф. Бларамберга в качестве военного советника, о которой и просил его И. О. Симонич (РГВИА, ф. 289, оп. 1, д. 8, л. 1 – 1 об.) сделала осаду более эффективной, и к лету 1838 года, когда осада длилась едва ли не год, появилась у персов некоторая надежда взять город, что называется, измором из-за начинавшихся в городе и вызванных персидской осадой голода и болезней (Бларамберг, 1978, с. 135). Тем временем в гератский лагерь вернулся из поездки в Кабул Я. В. Виткевич. Сама идея трехстороннего соглашения, так деятельно подготавливаемого им, все еще оставалась реальностью, но все более и более призрачной, в условиях усиливающегося давления Британии. В этих условиях взятие Герата автоматически бы усилило позиции каджарского двора, а следовательно, и поддерживающей его России с идеей этого соглашения. И начинало казаться, что все это возможно, что взятие Герата становится лишь делом времени, когда город оказался уже по-настоящему заблокирован.

В этой ситуации Англия пошла ва-банк. В персидский залив вошла британская эскадра и высадила десант на принадлежавшем Персии острове Керрак, расположенном в 25 км от побережья Ирана, фактически оккупировав его (Хопкирк, 2004, с. 234). Точку в гератской осаде поставил прибывший 30 июля в лагерь британский военный атташе полковник Чарльз Стоддарт, в будущем ставший известным посмертно из-за своей гибели в Хиве, объявивший шаху, что британское правительство будет рассматривать дальнейшую осаду Герата как экспедицию против Британской Индии и что шах должен немедленно отступить со своей армией в пределы Персии, если он не хочет войны с Великобританией. Шах не готов был воевать с самой Британской империей и, поняв, что дело кончено и проиграно, снял осаду. Уничтожив траншеи, батареи и лагерь, распилив огромные пушки, чтобы увезти металл, персидская армия 28 августа 1838 года сняла осаду и медленно отступила, не преследуемая афганцами (Бларамберг, 1978, с. 137). Естественно, российская и британская миссии последовали за ней.

Заключение

Таким образом, несмотря на явные дипломатические и агентурные успехи русской миссии в регионе вообще и российской разведки под Гератом в частности, напористость Британии, опиравшаяся на ее экономическую и военную мощь, все же взяла верх, и попытка персов взять Герат провалилась, что, конечно же, содействовало усилению Англии в регионе. Вряд ли виной тому были качества членов русской миссии и организация их деятельности. Миссия Я. В. Виткевича – блестящая страница истории российской дипломатии, что признают и британские историки (Хопкирк, 2004, с. 233). Мы видим, что в провоцировании гератского кризиса российскую миссию вряд ли можно обвинить. Россия стремилась создать в Афганистане очаг стабильности, выгодный

всем местным правителям и ей самой. А операцию под Гератом Россия поддерживала лишь постольку, поскольку уж сам Мохаммед-шах ее начал. Думается, провал всей политики миссии обусловливался растущим отставанием Российской империи от стран Запада, когда последние имели гораздо более чем крепостническая Россия военных и экономических инструментов для продвижения своей политики. И просто выглядели привлекательнее для правителей стран Востока в силу своей технологической и экономической мощи и основываемого на ней авторитета. В этих условиях даже искуснейшие дипломаты России мало что могли сделать. В итоге Англия медленно, но верно, часто проявляя откровенное неуважение к местным традициям и властителям, постепенно выигрывала. Это можно рассматривать как важный урок России: во многом уровень развития страны обуславливает ее успехи на внешнеполитическом поприще... Конечно, не самую последнюю роль в этом провале сыграла и личность самого И. О. Симонича: часто действовавший, очевидно, не слишком-то считаясь с инструкциями из Санкт-Петербурга, он не очень подходил на роль посла. И потому в том же 1838 году он был отозван в Россию, уступив место более флегматичному и инертному, но потому, возможно, и более удобному для Российской империи в Персии А. О. Дюгамелю.

Источники | References

1. А. С. Грибоедов, его жизнь и гибель в мемуарах современников. Л., 1929.
2. Блаرامберг И. Ф. Воспоминания. М.: Наука, 1978.
3. Бугаева А. Г. Борьба за Герат в 1837-1841 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Серия «История и археология». 2007. Т. 15. № 39.
4. Васильев Д. В., Васильев С. Д. Британо-российское противостояние на Среднем Востоке как реакция на попытку геостратегического укрепления России в регионе в 1830-х гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
6. Даль В. И. Рассказ вышедших из Хивы русских пленников об осаде, в 1837 и 1838 годах, персиянами крепости Герата // Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского): в 10-ти т. СПб. - М., 1898. Т. 7.
7. Ларин А. Б. Российско-иранское военное сотрудничество в 30-40-е годы XIX века // Вестник Самарского государственного университета. Серия «История и археология». 2009. № 7 (73).
8. Ниязатов М. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб.: Петербургское востоковедение, 2014.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
10. Симонич И. О. Воспоминания полномочного министра: 1832-1838 гг. / пер. с фр.; вступ. ст. Н. А. Халфина. М.: Наука, 1967.
11. Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. - начало XX в.). М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959.
12. Хопкирк П. Большая игра против России: азиатский синдром. М.: РИПОЛ классик, 2004.
13. Kaye J. W. History of the war in Afghanistan: in 2 vols. L.: Richard Bentley, 1851. Vol. I.

Информация об авторах | Author information

Марюткин Виталий Вячеславович¹

¹ Башкирский государственный университет, г. Уфа; Салаватский индустриальный колледж

Maryutkin Vitaly Vyacheslavovich¹

¹ Bashkir State University, Ufa; Salavat Industrial College

¹ vitalij-maryutkin@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.10.2021; опубликовано (published): 20.11.2021.

Ключевые слова (keywords): И. О. Симонич; Я. В. Виткевич; И. Ф. Бларамберг; Герат; Элдред Поттингер; I. O. Simonich; Ya. V. Vitkevich; I. F. Blaramberg; Herat; Eldred Pottinger.